КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 3 р. 60 к. съ пересылкою.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1893 года. № 5. 1 Марта.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Поученіе о постѣ[1]).

(О. ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО).

Кому не приходилось слышать въ настоящее время нападеній на посты? Кому не извѣстны разсужденія людей, повидимому, желающихъ быть истинными христіанами: »Для чего постъ и—такой строгій, когда Самъ Господь говоритъ, что не входящее въ человѣка сквернитъ, но исходящее изъ сердца (Мар. 7, 15), и Апостолъ учитъ: не ядый ядущаго да не осуждаетъ» (Римл. 14,3)?

Но нѣтъ особенной надобности смущаться подобными рѣчами. Нападеніе на постъ столь-же древне, какъ родъ человѣческій. Самое первое отверженіе и нарушеніе поста совершилось въ раю. Затѣмъ —во всѣ времена неоднократно повторялись и повторяются до настоящаго времени возгласы о безполезности поста, по крайней мѣрѣ—о возможности истинно-благочестивой жизни безъ соблюденія установленныхъ Церковію пощеній. Бѣдный постъ! Сколько онъ претерпѣлъ укоровъ, навѣтовъ, гоненій! Но вотъ все-таки, по милости Божіей, стоитъ. Значитъ, крѣпки у него основанія...

---

[1]) Моя жизнь во Христѣ. II. 192. II, 233. II, 234, 227, 232, 188. (Душепол. Чт. Февр. 1893 г.

Въ самомъ дѣлѣ, постъ—неразлучный спутникъ покаянія.

До ѣды-ли намъ, тѣмъ болѣе—до роскошныхъ-ли яствъ и лакомствъ, когда насъ постигаетъ какая-нибудь сильная скорбь? Не забываемъ-ли мы въ это время всѣ удобства, не лишаемся-ли всѣхъ обычныхъ развлеченій, даже сна? Но какая скорбь можетъ быть сильнѣе, глубже, какъ скорбь о грѣхахъ? Не самое-ли горькое бѣдствіе нашей жизни то—что мы своими пороками оскорбляемъ Бога и, благодаря имъ, лишаемся общенія съ Нимъ? «Милый сынъ мой, говорила одна благочестивая мать своему царственному сыну, нѣтъ у меня на свѣтѣ ничего дороже тебя, но я желаю лучше видѣть тебя мертвымъ, чѣмъ запятнаннымъ грѣхомъ». Естественно, что каждый, почувствовавъ дѣйствительную глубину своего паденія и тяжесть грѣха, начинаетъ поститься, и чѣмъ глубже его скорбь о грѣхахъ, тѣмъ строже онъ постится. Напротивъ—кто отговаривается отъ поста, кому не хочется разстаться съ привычными вкусными и изобильными яствами, съ угожденіемъ своей плоти, у того, видно, не глубоко сокрушеніе о грѣхахъ, тому, видно, не дорого спасеніе.

Говорятъ: не въ постѣ дѣло, а въ томъ, чтобы душа наша была чиста передъ Богомъ. Странные люди! Указываютъ на цѣль и отвергаютъ средства, необходимыя для ея достиженія. Одинъ старецъ, встрѣтивъ молодого монаха, вышедшаго изъ харчевни, сказалъ ему: Э, братъ, не доброе дѣло сюда ходить!— «Пустяки,— отвѣчалъ тотъ,—лишь-бы сердце было чисто...»—Сколько лѣтъ живу я въ пустынѣ, воскликнулъ въ изумленіи старецъ, и пощусь, и молюсь, и рѣдко куда выхожу, но еще не пріобрѣлъ чистаго сердца, а ты, юный, ходя по харчевнямъ, успѣлъ пріобрѣсти чистое сердце. Диво!..

Говорятъ: не важное дѣло ѣсть скоромное въ постъ, не въ пищѣ постъ; не важное дѣло носить дорогіе, красивые наряды, ѣздить въ театръ, на вечера, въ маскарады, заводить дорогую посуду, мебель, дорогой экипажъ, лихихъ коней, собирать и копить деньги и проч. Но—изъ за чего сердце наше отвращается отъ Бога, источника жизни, изъ-за чего теряемъ вѣчную жизнь? Не изъ-за чревоугодія-ли, не изъ-за драгоцѣнныхъ-ли одеждъ, какъ евангельскій богачъ, не изъ-за театровъ-ли и маскарадовъ? Изъ-за чего мы дѣлаемся жестокосердными къ бѣднымъ и даже къ своимъ родстве-

никамъ—не изъ-за пристрастія-ли нашего къ сластямъ, вообще къ чреву, къ одеждѣ, къ дорогой посудѣ, мебели, экипажу, въ деньгамъ и проч.? Возможно-ли работать Богу и мамонѣ (Мао. 6, 24), быть другомъ міра и другомъ Божіимъ, работать Христу и веліару? Невозможно. Изъ-за чего Адамъ и Ева потеряли рай, пали въ грѣхъ и смерть? Не изъ-за ѣды-ли единой? Присмотритесь хорошенько, изъ-за чего мы нерадимъ о спасеніи души своей, столь дорого стоившей Сыну Божію; изъ-за чего прилагаемъ грѣхи ко грѣхамъ, впадаемъ непрестанно въ противленіе Богу, въ жизнь суетную? не изъ-за пристрастія-ли къ земнымъ вещамъ, и въ особенности къ сластямъ земнымъ? Изъ-за чего грубѣетъ наше сердце? Изъ-за чего мы дѣлаемся плотію, а не духомъ, извращая свою нравственную природу? не изъ-за пристрастія-ли къ пищѣ, питію и прочимъ земнымъ благамъ? Какъ-же послѣ этого говорить, что ѣсть скоромное въ постъ не важно?»

Говорятъ, наконецъ, постъ вреденъ для здоровья.

Удивительная вещь! Сколько мы ни хлопочемъ о своемъ здоровьѣ, какъ ни бережемъ себя, какихъ самыхъ здоровыхъ и пріятныхъ кушаній ни ѣдимъ, какихъ здоровыхъ напитковъ не пьемъ, сколько ни отгуливаемся на свѣжемъ воздухѣ, а все, въ концѣ-концовъ, выходитъ то, что подвергаемся болѣзнямъ и тлѣнію. Святые же, презиравшіе плоть, умерщвлявшіе ее безпрестаннымъ воздержаніемъ и постомъ, бдѣніемъ, трудами, молитвою непрестанною, обезсмертили и душу и плоть свою... Удивительное дѣло! Мы, созидая, разрушаемъ свое тѣло, а они, разрушая, созидали: мы, обливая его благоуханіями, не избѣгаемъ смрада его, а они, не заботясь о благоуханіи тѣла, а о томъ чтобы душа была благоуханіемъ для Бога,—облагоухали свои тѣла. Братія мои! поймите задачу, цѣль своей жизни. Мы должны умерщвлять многострастное тѣло и страсти плотскія чрезъ воздержаніе, трудъ, молитву, а не оживлять его и страсти его чрезъ лакомство, пресыщеніе, лѣность. Нѣтъ, не постъ, не воздержаніе вредятъ здоровью, здоровье разрушается излишествами всякаго рода. Кому не извѣстно, что при воздержаніи въ пищѣ и питіи человѣкъ чувствуетъ себя бодрѣе, крѣпче, здоровѣе? Бодрость тѣлесная поддерживаетъ и бодрость духовныхъ силъ.

Нѣтъ, поститься христіанину необходимо для того, чтобы прояснить умъ и развить чувство, и подвигнуть къ благой дѣятельности волю. Эти три способности человѣка мы затмѣваемъ и подавляемъ болѣе всего объяденіемъ, пьянствомъ и заботами житейскими, а чрезъ то отпадаемъ отъ Источника жизни—Бога и ниспадаемъ въ тлѣніе и суету, извращая и оскверняя въ себѣ образъ Божій. Объяденіе и сластолюбіе пригвождаютъ насъ къ землѣ и обсѣкаютъ, такъ сказать, у души ея крылья. А посмотрите, какой высокій полетъ духа былъ у всѣхъ постниковъ и воздержниковъ! Они, какъ орлы, парили въ небесахъ; они, земнородные, жили умомъ и сердцемъ на небесахъ и слышали тамъ неизреченные глаголы, и тамъ научились божественной премудрости. И какъ человѣкъ унижаетъ себя чревоугодіемъ, объяденіемъ и пьянствомъ! Онъ извращаетъ свою природу, созданную по образу Божію, и уподобляется скоту безсловесному и даже дѣлается хуже его. О, горе намъ отъ пристрастій нашихъ, отъ беззаконныхъ навыковъ нашихъ! Они препятствуютъ намъ любить Бога и ближнихъ, и исполнять заповѣди Божіи; они коренятъ въ насъ преступное плотское себялюбіе, коего конецъ-погибель вѣчная. Такъ пьяница для удовольствія плоти и одуренія себя не жалѣетъ множества денегъ, а нищимъ жалѣетъ копѣйки; куритель табаку бросаетъ на вѣтеръ десятки и сотни рублей, а нищимъ жалѣетъ копѣекъ, которые могли бы спасти его душу; любящіе одѣваться роскошно или охотники до модной мебели и посуды тратятъ на одежду и мебель съ посудою огромныя деньги, а мимо нищихъ проходятъ съ холодностью и презрѣніемъ; любящіе хорошо поѣсть не жалѣютъ на обѣды десятки и сотни рублей, а бѣднымъ жалѣютъ грошей.

Много-бы можно было сказать о необходимости воздержанія и поста, но чтобы не удлинять бесѣды, скажемъ кратко: постъ—хорошій учитель: 1) онъ скоро даетъ понять всякому постящемуся, что всякому человѣку нужно очень немного пищи и питья, и что вообще мы жадны, и ѣдимъ и пьемъ гораздо больше надлежащаго, то есть того, чѣмъ сколько требуетъ наша природа; 2) постъ хорошо указываетъ или обнаруживаетъ всѣ немощи нашей души, всѣ ея слабости, недостатки, грѣхи и страсти, какъ начинающая очищаться мутная, стоячая вода оказываетъ, какіе водяться въ ней гады или

какого качества соръ; 3) постъ показываетъ намъ всю необходимость всѣмъ сердцемъ прибѣгать къ Богу и у Него искать милости, помощи, спасенія; 4) постъ показываетъ всѣ хитрости, коварство, всю злобу безплотныхъ духовъ, которымъ мы прежде, не вѣдая, работали, которыхъ коварства, при озареніи теперь насъ свѣтомъ благодати Божіей, ясно оказываются, и которые теперь злобою преслѣдуютъ насъ за оставленіе ихъ путей».

Господь нашъ І. Христосъ постился, Апостолы постились и притомъ—не мало, но въ пощеніяхъ многащи; и всѣ святые Божіи соблюдали строгій постъ такъ, что, по словамъ одного великаго учителя благочестія, «еслибъ дано было намъ обозрѣть обители райскія, мы не нашли бы тамъ ни одного, кто бы чуждался поста. Такъ и слѣдуетъ. Нарушеніемъ поста потерянъ рай,—подъятіе строгаго поста должно стоять въ числѣ средствъ къ возвращенію потеряннаго рая».

Что-жъ!? Можемъ ли мы убѣдить всѣхъ отрицателей поста въ его необходимости для духовнаго обновленія, для исправленія души?

«Куда намъ! воскликнемъ вмѣстѣ съ вышеупонянутымъ учителемъ благочестія, куда намъ! Лобъ у нихъ мѣдянъ и выя желѣзна! Что вы съ ними сдѣлаете?.. А у насъ Богъ—Господь І. Христосъ постившійся, мать у насъ—св. Церковь, уставами требующая поста, споручники наши св. Апостолы, всѣ постники и законоположники поста! Такъ намъ иначе нельзя»... (Еписк. Ѳеофана, «Письма о христ. жизни» стр. 126).

Благодарю всесвятую, всеблагую и премудрую матерь мою—Церковь Божію, спасительно руководствующую меня въ семъ временномъ житіи и воспитывающую меня для граждавства небеснаго; благодарю ее за всѣ чины молитвъ, богослуженія, таинствъ и обрядовъ; благодарю ее за посты, столь для меня благодѣтельные въ духовномъ и тѣлесномъ отношеніи; благодарю непорочную матерь мою—Церковь Божію, восхищающую меня небеснымъ служеніемъ своимъ, восторгающую горѣ, къ небеси духъ мой, просвѣщающую умъ мой небесною истиною, указующую мнѣ пути живота вѣчнаго, избавляющую отъ насилія страстей, дѣлающую жизнь мою блаженною».

РѢЧЬ,

профессора философіи и математики Ивана Михайловича Скворцева, сказанная 27 октября 1817 г. при открытіи Кіевской духовной семинаріи.

De nexu philosophiam inter et theologiam.

Quibus in scholis Ecclesiasticis iuventus instrui solet, studia duos principales ramos habere videntur, philosophiam nempe et Theologiam. Utriusque sphaera amplissime patet, utraque fructus in succum internae hominis vitae convertendos praestat. Maxime igitur eorum, qui doctrinas has ad discendas aggrediuntur, interest, perspectum exploratumque habere, an finis, ad quem sint destinatae, utraque adhibita, an vero philosophia, ut scientia humana missa, Theologia autem sola ut divina apprehensa, facilius et rectius obtineri queat? An scilicet philosophia et Theologia quodam nexu aretissima inter se cohaereant, atque sibi invicem opem ferant et auxilium?

Nexum verae Philosophiae ac Religionis et specialius Theologiae, quatenus est obiectum scholae, aretissimum vindicaturus, huic conventui, qui tum rationis divina petentis, tum Religionis humana curantis lumine ductus novum studiorum cursum aperit, non importunus nunc mihi videor. Quae igitur in hanc rem animo teneam benevolo auditui vestro, viri honoratissimi, proferam.

Absit nobis inepta illa de philosophia in universum opinio, quae eam nulla re, nisi quod sit hominum imbecillitatis apertum signum Religioni inservire statuit. Idne scilicet omnium nostrorum in perdiscenda philosophia laborum fructus, idne solum pretium sperari debet, quod variorum in ejus campo grassantium errorum multitudine perlustrata, inanes, quos possidere miseri somniamus, veritatum thesavros ac otiosae mentis productum esse sibimet ipsis persvadeamus atque sic demum velut odio in omnem cognitionis humanae fontem ejusque effectus percepto alium puriorem fontem quaeramus? Si ita res

se habet, tum actum et conclamatum est de omni nostra eruditione, si hac mente in studiis philosophicis ferimur, nil nisi in philosophia contra ipsam philosophiam arma petimus. At evidens est, opinionem hanc jam ipsam duos de philosophia conceptus diversos involvere, de philosophia nempe, quae iüdicet et refutet, et altera, quae ab illa iudicanda est et refutanda. Sane, si philosophiae aedificium mutabilibus et inconstantibus philosophantium quorumcunque meditationitus iudiciisque coacervatis absolveretur, non esset nisi turris Babilonica ob diversas aedificantium linguas per se ipsam cadens. Sed philosophia vera ab hominum figmentis prorsus libera est. Astantibus illis vanis scholasticis contentionibus et de verbis certaminibus, incolumis manet; concertantibus inter sese adversariorum ingeniis, ut ventis contrariis impetuosis, firma stat, capite ad coelum erecto, lapidi enim est superstructa. Ab ipso omnis vitae aclucis Fonte originem suam ducit et homini communicata et appropriata internam probae ac piae mentis vitam constituit. Hoc sensu sapientiam et antiqui illi sapientiae amatores, quorum scripta in libris sacris locum obtinent, multis et praeclaris elogiis sustulerunt et in aliorum amorem ac usum sedulo commendarunt; hujus modi indolis philosophia sola est nomine suo digna. Absolute enim considerata philosophia non nisi scientia. Universi ex Idea Entis infiniti petita est. Quippe sacrum adytum naturae, quo divini et pretiosissimi thesavri latent, nemo ingredi possit, nisi Ipse Summus eius Arbiter et Rex hominum illo naturae sacerdotis iure donaverit, quod in spirituali rationis natura, summis (quae forte nondum dimidia parte nobis adhuc cognita sunt) donis atque ea ad naturae arcana clavi, quae in *ideale* mentis cum *reale* Universi perfecte harmonico et identico posita est, instructâ consistit. Hoc *ideale* quamdam ipsius Creatoris idearum imaginem rationi impressam intelligo, cuius evolutione atque in lucem deductione omnis scientia hominis vera conficitur. Omnibus profecto insita est philosophandi vis; hinc quisque vel simplicissimus mundum sensibuś superiorem postulat, iis, quae naturae infinita varietas ei praebet, non contentus. Hinc om-

nis Theologia naturalis.—Idea igitur Entis Infiniti, conatu ad omnia sublimia in homine se exserens, est fons verae philosophiae, quae quo magis ratio ideam illam insvetur, quo magis circa ipsam versatur, eo fit perfectior. Hinc in apricis est, philosophiam, quatenus superiora petit, obviam et amicam ire Religioni, coelitus descendenti.

Hinc quoque est, quod philosophia ut doctrina etiam, sev obiectum scholae et Theologia in quodam parallelismo se habeant. Cursum enim philosophiae philosophia instrumentali sev Logica incipimus, uti cursum Theologiae, instrumentali Theologia aperimus. Metaphisica porro quam maxime Theologiae Contemplativae respondere mihi videtur. Maximae certe harum scientiarum partes diverso licet modo eadem demonstrantur. Absolvimus denique tum philosophiae, tum Theologiae cursum veritates practicas edocendo, atque sic duabus vicibus velut eundem circulum percurrimus, duorum magnorum luminarium, Rationis dico, ut lunae, Religionis, ut solis luce, perfruentes.

Progrediamur ulterius in nexu philosophiae ac Religionis explicando. Non enim ita omnem philosophiae usum exhavrimus, ut, ex ad Theologiam praeparati, in posterum jam ei vale dicere possimus. Et primum hoc monendum est: nonne temere iniuriam philosophiae inferunt, qui eam ex sphaera Religionis christianae penitus proscribendam esse autumant? Non fugit quidem nos dictum s. Paulo ad Corinthios: *statueram, nihil scire apud vos, nisi Iesum Christum et eum crucifixum;* recte tamen asserimus, non statuisse pro se divum Pavlum, *nihil scire apud omnes homines christianos.* Avdiamus ipsam scientiam homini profundissimam tribuere: nam *quis scit,* inquit, *quae in homine sunt, nisi hominis spiritus, qui in eo est?*—Deinde pergit: *sic et quae Dei sunt, nullus scit nisi Dei Spiritus, nos vero non mundi hujus spiritum, sed profectum a Deo Spiritum accepimus, ut intelligamus, quae nobis largiatur Deus.* Ecce Dei Spiritum docentem et, quae hinc efficitur scientia, Theologiam revelatam! En hominis spiritum, profunda hominis scientem et quae inde provenit scientia, veram philosophiam! en denique alium, diversum ab illis mundi

spiritum et quae hinc extollit caput scientia, falsam philosophiam, philosophiam secundum principia et elementa mundi!— Quin certissimum est, eundem Apostolum nullas, nisi veritati christianae noceant, doctrinas, omnium vero minime sanam philosophiam exularefacere, imo ipsum saepius, ubi opportunum erat eum in finem, ut eadem veritas firmius animis immoreretur ad ejus principia discipulos suos provocare. Atqui nec nos a scopo Apostoli aberramus, dum philosophiam cum Religione conjungimus utque illa inter mentem humanam plerumque terrenis et humanis assuefactam, et Religionem coelestia et divina insinuantem quasi mediatore utimur. Quippe per eam, quae sunt invisibilia, quasi visibilia fiunt, cum vestigia eorum in natura etiam visibili exture indicet, imaginem spiritualium in sensualibus repercussam perspiciens; quae menti impervia sunt et sphaeram ejus excedentia, veritate divina esse insignita ac omnimode quae revercantur et credantur digna esse vindicantur, cum in natura quoque multa menti impervia et impervestigabilia esse demonstret; quae primo sibi repugnantia et a nostro iudicandi modo abhorrentia videntur, in unitatem et harmoniam componuntur. Conjunctis itaque viribus, quamvis non ubique id digito monstrare possumus, philosophia et Religio in sublimi quoque relationis sphaera agunt.

Omnium vero maxime meretur philosophia de ea Religionis parte, quae veritatibus superne quidem inspiratis continetur, quas tamen vel ipsa ratio quemque hominum docet, vel quae ex ipsa hominis natura hujusque tenebri obvoluta depromuntur, easque Religio nomine ipsius Dei superiore luce collustratas proponit credendas et agendas. Nam pro necessario saepius habemus in Theologia ut philosophiam consulumus. Si exempli gratia quaedam vel in S. Scriptura inveniendae, vel calculo eius examinandae nobis sunt veritates, necessario philosophiae auxilio utimur, quae sc. iustae consecutionis in iudicando veritatesque diiudicandi regulas in Logica subministrat. Si de Deo ejusque attributis ad ductum S. litterarum Theologia agit, necessario existentiam Dei praesupponit, quam tamen S. Criptura nullibi demonstrat, et quam ad praemunien-

dos contra diffidentiam desperationemque in adversis, contra atheistarum insaniam eorumque dolos pestiferos hominum animos omnibus modis demonstrare philosophia tenetur; mundi porro, ut speculi divinarum perfectionum, rectam contemplationem Theologia exigit, qua eadem philosophia oculum mentis instruit. Si officia erga Deum, proximum seque ipsum tractat, ad legem animis inscriptum provocat, quam item philosophia exsplicat et ad varios hominum status et actiones applicat.

His satis nexum philosophia ac Theologiae enodare videor. Unum ceterum restat, quod notemus, idque omnium maxime pro vera Religione necessitatem philosophiae in scholis Ecclesiasticis vindicans. Cogitemus in scholis nostris aliorum futuros doctores praeparari, quibus nempe non modo pro sua, sed pro aliorum quoque salute in altum anchora mitenda est. Si cui igitur christianorum philosophiae cognitio utilis est, doctori Ecclesiae certe est necessaria; idque maxime nostris temporibus, praesenti verum christianorum statu, quo et Religionis hostes non nisi philosophiae armis plerumque pugnare volunt, et fidem profitentes ad facultatem cognoscendi perficiendam incredibili saepius conatu et ardore nimie feruntur. Doctoris igitur est, tum ejusdem generis arma contra adversarios movere, tum auditoribus suis veram sapientiam non solum in speculationibus, verum maxime in vita praxipositam praedicare, atque sic veram philosophiam a falsa rite seiungere. Porro observatu est dignissimum, ipsam Theologiam nunc systematis formam recepisse, quod ejusdem divinae Providentiae ac Oeconomiae opus esse duco, qua olim unica in natura sua Theologia legis faciem, proverbiorum amictum, verborum simplicissimorum vestimentum, vel, ut Apostoli verbis utamur, praedicationis stultitiam: modo nempe hanc, modo aliam externam formam excipiebat, pro temporis ratione et hominum statu vario. Qui per stultitiam praedicationis olim servabat fidentes, nonne idem facere posse nunc per sapientiam, ut ite dicam, praedicationis censendus est, cum ex stultitia illa praedicationis sapientissima apud Deum non jam ita ubique sapit mundus, ut Deum cognosceret?

Altius extollamus animum, ultra, quibus nunc includuntur, limites philosophiae et Religionis contemplationem nostram extendendo. Omnia nos per speculum per ambages adhuc cernere dicit Apostolus. Et sane tum natura, quam contemplamur, non est, nisi imago invisibilium ac speculum, tum ipsa ratio, qua contemplamur et simul in qua contemplamur, est idearum ipsius Infiniti Entis speculum, tabula, in qua verum invisibilium et divinarum imagines depinctae sunt; tum ipsa revelatio in multis velata adhuc exstat. Veniet vero expectabissimum illud tempus, quo omnia videbimus, ut sunt, ipsum scilicet τὸ esse rerum et quidem eadem evidentia, qua nunc ut apparent omnia videmus. Natura tunc temporis ut volumen explicabilior et arcana ei inscripta nudis quasi oculis exhibebit. Mens hominis densa caligine, qua hujusque obvoluta erat, sublata totam se lucis aeternae actioni exponet; ipsa denique Religio divinam faciem suam iam a velamine liberam purissimorum oculis exhibebit. Tunc demum animi nostri insatiabile, ut sanctus poëta canit, atriorum Iehovae desiderium, quo conficimur mente et corpore ad Deum immortalem orantes, satiabitur; tunc demum perfecte acquiescere possumus, tunque philosophia nomen sapientiae jure depositum majore jure excipiet, et a Religione caute seiuncta eique subiecta perfecte ei coincidet, unum idemque constituet.—Hunc luctissimum finem sperantes laboramus, tot tantaque ubique nobis exposita obstacula, ut homini datum est, superare conamur et eminus lucenti scopo beatissimo appropinquari nitimur. Hac spe animati et nunc alacri animo novum, quod nobis aperitur, curriculum ingrediamur et eadem semper constantia percurramus.

Confortes, virium Largitor, pedes nostros; lucis Avctor, lumine Tuo per totam viam illam nobis praeluceas et, qui dies propinquiores Tibi fuerimus, facias, Te optime Maxime, quo vivimus, movemur et sumus, precibus ardentissimis aggredimur et invocamus!

Dona nobis spiritum sapientiae et patefactionis avctorem, illustratis mentis nostrae oculis!

Deus noli a nobis abesse et ad nobis succurrendum festina!

Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви.

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ § 1-му.

Ошибочное мнѣніе объ игуменствѣ въ Кіево Межигорскомъ монастырѣ Іосифа Бобриковича.—Отношенія его къ кіевскому митрополиту Петру Могилѣ.—Документальныя данныя объ игуменствѣ въ Межигорскомъ монастырѣ Исаіи Копинскаго.

Въ примѣчаніи къ нашей замѣткѣ о времени кончины мстиславскаго епископа Іосифа Бобриковича Редакція Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостей,—безъ сомнѣнія, желая указать на связь знаменитаго іерарха съ Кіевомъ,—вспомянула, что этотъ іерархъ съ 1585 по 1593 г. *былъ игуменомъ Кіево-Межигорскаго монастыря.* Въ данномъ случаѣ редакціею высказано существующее въ нашей церковно-исторической литературѣ мнѣніе,—и притомъ мнѣніе, принадлежащее точному и наиболѣе заслуживающему довѣрія изслѣдователю. Мы разумѣемъ М. А. Максимовича, который въ своемъ «сказаніи о Межигорскомъ монастырѣ», между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «новый (послѣ Онуфрія) игуменъ и строитель Межигорскаго монастыря *Іосифъ Бобриковичъ—Копоть* принялся за свое дѣло съ новымъ усердіемъ»... Затѣмъ, упомянувъ о дѣятельности сего игумена и столкновеніяхъ его съ козаками *въ 1592 году*,—авторъ продолжаетъ: «чрезъ годъ послѣ этого происшествія Бобриковичъ перемѣстился въ Вильну, гдѣ былъ впослѣдствіи игуменомъ и ректоромъ Свято-Духовскаго монастыря, а въ 1633 году, при коронаціи Владислава, избранъ и утвержденъ въ епископы мстиславскіе» (*Собраніе сочиненій* М. А. Максимовича, т. II стр. 261—262)

Но означенное мнѣніе объ управленіи Іосифа Бобриковича Межигорскимъ монастыремъ *ошибочно.* Не будемъ говорить о томъ, что епископъ Іосифъ нигдѣ не упоминается съ двойною фамиліею (Бобриковичъ—*Копоть*): укажемъ на болѣе существенное. Іосифъ Бобриковичъ—какъ мы видѣли—скончался въ апрѣлѣ *1634 года.* Начало его игуменства въ Межигорскомъ монастырѣ относится Максимовичемъ къ 1585 году,—слѣдовательно, отъ этого начальнаго времени до кончины Бобриковича протекло *49 лѣтъ.* Предполо-

жимъ, что нашъ Іосифъ избранъ былъ въ игумены 30 лѣтъ, допустимъ самое меньшее—25,—и тогда (принимая мнѣніе Максимовича) выйдетъ, что онъ скончался почтеннымъ старцемъ—*79 или 74 лѣтъ*. Между тѣмъ въ упомянутомъ нами *панегирическомъ плачѣ* (Echo żalu... и проч.) находимъ сѣтованіе, что смерть застигла мстиславскаго епископа *еще не въ старческомъ возрастѣ*. Именно, одинъ изъ панегиристовъ говоритъ»: скорблю,

Gdy widzę, że w twym, Oycze moy, smierc ciele
Gospodę sciele,
Odiawszy zywot *w niedoyzrzałym lecie*.

Съ этимъ указаніемъ панегириста согласуются и всѣ другія извѣстныя намъ данныя о жизни Іосифа Бобриковича. Въ упомянутой надгробной проповѣди С. Коссова (Cherubin) проповѣдникъ,—перечисливъ извѣстныхъ лицъ, съ которыми почившій, безъ сомнѣнія, встрѣтится въ обителяхъ Отца небеснаго,—указываетъ, между прочимъ, на благословеннаго Леонтія Карповича, архимандрита Виленскаго, именуя его *магистромъ Бобриковича*. Въ той же проповѣди, характеризуя почившаго, какъ настоятеля Виленскаго монастыря и затѣмъ епископа, Коссовъ говоритъ объ его дѣятельности, какъ дѣятельности лица, исполненнаго не только духовныхъ, *но и физическихъ силъ*. «Кому—восклицаетъ проповѣдникъ—суждено было каждый годъ (rok po roku) разъѣзжать, предупреждая невзгоды Восточной матери (православной церкви)?—Тебѣ найдражайшій Іосифъ! Кому предстояло золотыя вольности отстаивать золотыми словами на общихъ сеймахъ, на мудрыхъ трибуналахъ и—что особенно важно—предъ самымъ наияснѣйшимъ маестататомъ нашего непобѣдимаго монарха?—Истинно тебѣ, Іосифъ, неоцѣненный архимандритъ! Кому для духовныхъ разсужденій потребно было ѣздить по нѣсколько разъ въ годъ (po kilku kroc na rok) до оной Трои Россійской—Кіева?—Тебѣ Іосифъ, милостникъ народа Россійскаго!»—Такая многотрудная, требующая значительнаго напряженія и физическаго, дѣятельность, разумѣется, преклонному старцу была-бы не по силамъ.

Для вящшаго уясненія затронутаго вопроса нелишнимъ считаемъ привести и слѣдующую справку. М. А. Максимовичъ документально знаетъ *двухъ* игуменовъ, съ именемъ *Іосифа* управляв-

шихъ Межигорскою обителію въ концѣ XVI столѣтія, непосредственно передъ обновленіемъ сей «запустѣлой» обители іеромонахомъ Аѳанасіемъ: одинъ изъ нихъ—Іосифъ Бобриковичъ—Копоть[1]), другой Іосифъ Герасимовичъ. Въ 1625 году заведенъ былъ въ Межигорскомъ монастырѣ «повелѣніемъ отца Коментарія, обители тоя игумена» *Синодикъ албо помяникъ* (хранится въ настоящее время въ библіотекѣ Кіево-Соф. собора). Здѣсь подъ рубрикою: *помяни Господи игуменовъ монастыря Межигорскаго*,—между прочимъ, читаемъ: Помяни Господи священно-схімонаха Аѳанасія (+*7 мая 1612 г.*), поновившаго отъ запустѣнія монастырь и общее житіе воздвигъ(шаго) и братій множество собрав(шаго). Вѣчная память!» *А непосредственно предъ симъ читаемъ*: (помяни Господи) *інока Іосифа, священноінока Іосифа*.—Послѣ сказаннаго нами выше, думаемъ, что комментаріи къ этой справкѣ излишни.

Группируя извѣстное намъ объ Іосифѣ Бобриковичѣ, епископѣ мстиславскомъ, мы приходимъ къ такому мнѣнію: «оставивъ своихъ родичей» (выраженіе С. Коссова), онъ поступилъ въ Виленскій монастырь, гдѣ первоначальное образованіе получилъ въ лучшей того времени южно-русской школѣ подъ непосредственнымъ руководительствомъ знаменитаго Виленскаго архимандрита Леонтія Карповича. Но едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что означенное образованіе было Бобриковичемъ восполнено чрезъ слушаніе лекцій въ польскихъ или западно-еврейскихъ коллегіяхъ: за это говоритъ не только его ректура въ Виленской братской школѣ и характеръ его проповѣдничества [2]), но—что особенно не слѣдуетъ

---

[1]) Да и *Бобриковичъ*-ли (Копоть)?—Намъ не извѣстно, *современными-ли* актами пользовался М. А. Максимовичъ при составленіи своихъ замѣтокъ объ этомъ игуменѣ. Такихъ актовъ намъ лично встрѣчать не приходилось. Въ позднѣйшемъ же документѣ начала XVIII столѣтія означенный игуменъ именуется Іосифомъ *Бобриковичемъ*—Копотемъ. (см. *Сборн. матер. для историч. топографій Кіева и его окрестностей*. Кіевъ. 1874 г., отд. III, стр. 142).

[2]) Для интересующихся южно-рус. проповѣдничествомъ первой половины XVII стол. укажемъ здѣсь на малоизвѣстную у насъ (если не вовсе неизвѣстную) проповѣдь Бобриковича, произнесенную имъ при погребеніи Богдана Огинскаго. Проповѣдь эта, переведенная по просьбѣ многихъ. (za żądaniem wielu) на польскій языкъ, издана была *въ 1625 г. въ Евью*. Намъ извѣстенъ одинъ экземпляръ ея,

упускать изъ вида—его тѣсныя связи и отношенія къ современнымъ дѣятелямъ нововозникшей могилянской коллегіи и основателю этой коллегіи—кіевскому митрополиту Петру Могилѣ.

Мы сказали, что П. Могила, услышавъ о смерти Бобриковича, воскликнулъ: *отсѣчена моя правая рука!* Приведенная выдержка изъ надгробной проповѣди С. Коссова, произнесенной при погребеніи мстиславскаго епископа, до извѣстной степени уясняетъ значеніе этого восклицанія. Но уясненіе можетъ быть разсширено. Оказывается, что связь Бобриковича съ Кіевомъ, разрушаемая въ одномъ отношеніи (разумѣемъ мнѣніе Максимовича), выступаетъ въ бо́льшомъ, хотя и иномъ значеніи. Въ предмовѣ къ *Antopologii* Диплица, посвященной (съ датою 31 марта 1631 г.) кіево-печерскому архимандриту П. Могилѣ, послѣдній восхваляется за то, что онъ весьма часто ведетъ бесѣды съ *богословами*, какъ—то: *Іосифомъ Бобриковичемъ, старшимъ монастыря Виленскаго*, Кіево-Богоявленскимъ игуменомъ Тарасіемъ Земкою, іеромонахомъ Исаіею Филипповичемъ и слуцкимъ протопопомъ Андреемъ Мужиловскимъ. Это указаніе очень важно и, въ связи съ нѣкоторыми другими извѣстными намъ данными, уясняетъ одну изъ начальныхъ страницъ въ исторіи нашей Кіевской Академіи. Іосифъ Бобриковичъ былъ въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ съ двумя наиболѣе выдающимися дѣятелями Кіево-Могилянской коллегіи—ректоромъ оной Исаіею Трофимовичемъ Козловскимъ и префектомъ Сильвестромъ Коссовымъ. Оба эти лица получили образованіе въ Виленской братской школѣ и незадолго *до 1622 года* для завершенія образованія отправлены были въ польскія и западно-европейскія коллегіи. Іосифъ Бобриковичъ находился съ ними въ дружеской перепискѣ, чрезвычайно интересовался ихъ научными успѣхами, преподавалъ задушевные совѣты, сообщалъ свѣдѣнія о событіяхъ въ Виленскомъ братствѣ и т. п. (относительно этого сохранились документальныя данныя въ найденномъ нами рукоп. сборникѣ Кіево-Печерс. Лавры, за послѣднее время регистрован. подъ № 20). Если примемъ во вниманіе, что Бобриковичъ поль-

---

находящійся въ Московской Синодальной Типогр. библіотекѣ, въ сборникѣ брошюръ подъ № 4169.

зовался *особеннымъ* уваженіемъ П. Могилы и его друзей (митрополитъ Іовъ Борецкій настолько довѣрялъ Бобриковичу, что посылалъ ему бѣлые листы съ своею подписью для внесенія въ нихъ ходатайствъ по дѣламъ церкви; см. упомянутый Лаврскій сборникъ), *часто* посѣщалъ Кіевъ и велъ здѣсь оживленныя бесѣды о «потребахъ» церкви,—то для насъ уяснится фактъ немаловажнаго значенія: мы будемъ знать—чьими совѣтами и рекомендаціями (между прочимъ) руководствовался Петръ Могила при выборѣ наставниковъ для новоустрояемой имъ коллегіи...

Статья М. А. Максимовича о Межигорскомъ монастырѣ побуждаетъ насъ (благо кстати) сдѣлать еще одно разъясненіе. Въ *Лѣтописцѣ монастыря Густынскаго* (Чтенія въ Импер. Общес. Истор. и Древн. Рос., ч. III. 1848, № 8) говорится, что обновитель Межигорскія св. обители, преподобный отецъ Аѳанасій преставися въ лѣто 1613-е, «и бысть по немъ тамо ігуменъ Гедионъ, яко три лѣта, и нѣкоея ради вины изверженъ бысть оттуду, невмѣстимъ бо бысть братіи, и тогда по немъ блаженный отецъ Исаіа (Копинскій) бысть на томъ предстательствѣ, глаголю игуменствѣ, во обители святой Межигорской, яко лѣтъ три». Далѣе въ Лѣтописцѣ говорится о нѣкоторыхъ событіяхъ, случившихся во время управленія Исаіи Межигорскою обителію, о посвященіи его въ санъ епископа и о вторичномъ избраніи (безъ вѣдома Исаіи и во время его отъѣзда) на игуменство Гедеона, вслѣдствіе чего произошелъ нѣкій разладъ въ средѣ братіи, побудившій Копинскаго удалиться изъ монастыря. Упомянувъ обо всемъ этомъ, М. А. Максимовичъ говоритъ: «Было конечно участіе Исаіи Копинскаго и въ управленіи Межигорьемъ, но едва-ли со всѣми тѣми подробностями, какія означены въ лѣтописцѣ. *Нигдѣ въ монастырскихъ Межигорскихъ записяхъ не встрѣтили мы доселѣ и намека о здѣшнемъ игуменствѣ Исаіи*; а королевская грамота Гедеону на игуменство пожизненное должна же была имѣть свою силу для здѣшней братіи. Какъ бы то ни было впрочемъ, но мы видимъ Гедеона опять на своемъ мѣстѣ въ Межигорьѣ игуменомъ, на которомъ и скончался онъ 16 сентября 1623 года». Изъ приведенной тирады явствуетъ, что почтенный изслѣдователь сильно сомнѣвается въ

вѣрности свѣдѣній Лѣтописца монастыря Густынскаго объ игуменствѣ въ Межигорьѣ Исаіи Копинскаго. Сомнѣніе это, думаемъ, особенно усилило въ М. А. Максимовичѣ то обстоятельство, что въ извѣстномъ ему памянникѣ Межигорскаго монастыря (1625 г.) при разсказѣ о преемникахъ обновителя обители Аѳанасія дѣйствительно не упоминается объ Исаіи Копинскомъ. Именно, здѣсь читаемъ: «по преставленіи же присно памятнаго сего во іеросхимонасехъ Аѳанасія, чадо его духовное Герасимъ, з Галича сый родомъ, не мало время со трудолюбною и общежительною купородного духовного пелеиовитія братіею о Христѣ своею въ послушаніи к духовному по Богѣ отцу своему пребывый, братіями убѣжденъ в киновіи сей (па) начальство во время нѣкое, тажъ въ недугъ впадъ, почи и той с миромъ о Господѣ въ лѣто тысячнее шесть сотное двадесять третее (на поляхъ: мѣсяца септемврія во 16 день). Его же мощи положени быша близъ мощей отца своего тогожъ мѣсяца септемврія во 18 день».

Но сомнѣніе въ данномъ случаѣ не оправдывается фактами. Лѣтописецъ Густынскаго монастыря, не всегда безукоризненно точный въ передачѣ событій (особенно много путающій въ хронологіи), въ разсказѣ объ игуменствѣ Исаіи Копинскаго въ Межигорьѣ заслуживаетъ полнаго довѣрія (что явствуетъ и изъ самого разсказа: разумѣемъ неоднократные посылки Исаіею иноковъ изъ Межигорскаго монастыря въ Густынскій въ качествѣ игуменовъ послѣдняго,—каковое обстоятельство *историку Густынской обители не могло быть безъизвѣстно*). Что же касается составителя Межигорскаго помянника, то въ его разсказѣ о преемникѣ Аѳанасію усматривается какъ бы нѣкая *заминка* («во время нѣкое»),— заминка, легко объясняемая недовольствомъ извѣстной части Межигорскихъ иноковъ игуменствомъ Исаіи Копинскаго, слѣдствіемъ чего было не совсѣмъ добровольное оставленіе имъ обители... Какъ бы то ни было, но фактъ пребыванія Копинскаго въ Межигорской обители *въ качествѣ ея игумена* не подлежитъ сомнѣнію. Относительно сего мы можемъ представить документальныя данныя. Данныя эти суть слѣдующія:

1) Дарственная запись обывателя земли кіевской Михаила Андреевича Стружчинскаго, данная *12 октября 1619 года* Кієво-

Межигорскому монастырю на сѣножать, находящуюся на урочищѣ Половицы (на Кіевской Оболони). Въ документѣ читаемъ: «(Я Стружчинскій) даю, дарую и записую (означенную сѣножать) на монастырь заложеня церкви Преображенія Господня Межигорскій Кіевскій, *велебному его милости отцу Исаию игумену* и всей еже о Христе братии»... и проч. (подлинникъ хранится въ *библіот. Кіев. Дух. Академіи*, съ помѣтой—л. 73, № 66).

2) «Выпись с книгъ меских права Майдеборского Ратуша Кіевского, *1621 года мѣсяца сентября 1 го* въ середу»,—содержащая сознаніе (заявленіе) «лавниковъ мѣскихъ присяглыхъ и возного въ томъ, что они, «за добровольнымъ позволеніемъ и уступеньемъ славетного пана Севостиана Андреевича, бурмистра старого Кіевского», принадлежащую послѣднему сѣножать на грунтѣ ратушномъ передали во владѣніе «*въ Бозе велебного его милости отца Исаіи игумена* теперешнего и по немъ будучыхъ игуменовъ и всю еже о Христе братію чернцовъ монастыря светого Николы *Межыгорского церкви Преображенія Господня*», и проч. (подлинникъ наход. въ библ. *Кіев. Дух. Акад.*, съ помѣтою л. 74, № 71) [1]).

---

[1]) Этотъ вводъ во владѣніе состоялся на основаніи дарственной записи Севастіана Андреевича (см. выпись съ книгъ земскихъ воеводства кіевского отъ 4 октября 1623 г. [2]), составленной *16 марта 1621 года*. Здѣсь тоже говорится, что сѣножать даруется „до рукъ теперешнему его милости *отцу Исаію игумену Межигорскому* и всей братіи его".—Такъ какъ въ обоихъ документахъ *отъ 1621* года игуменъ Исаія, не называемый *по фамиліи*, носитъ *это только титло*, а извѣстно, что Исаія Копинскій *6 октября 1620 г.* посвященъ былъ во епископы,—то у скептика можетъ явиться сомнѣніе—Копинскій-ли, *а не другой-ли Исаія* былъ въ означенное время Межигорскимъ игуменомъ?—Устраняя возраженіе скептика ссылкою на Лѣтописецъ Густынскаго монастыря, въ данномъ случаѣ—какъ мы сказали—заключающій несомнѣнные признаки достовѣрности—представляемъ объясненіе указаннаго факта. Извѣстно, что возстановленіе Іерусалимскимъ патріархомъ Θеофаномъ западно-русской іерархіи съ негодованіемъ встрѣчено было польскимъ правительствомъ: патріархъ объявленъ былъ шпіономъ турецкаго султана, а посвященные имъ митрополитъ и епископы обвинены въ государственной измѣнѣ и поставлены внѣ покровительства законовъ. Отсюда понятнымъ становится *умолчаніе объ іерархическихъ титулахъ* посвященныхъ Θеофаномъ лицъ въ тѣхъ оффиціальныхъ документахъ, которые въ это тревожное для православія время представляемы были съ той или другой цѣлію въ судебныя мѣста. Что такое умолчаніе *на первыхъ порахъ* дѣйствительно практиковалось,

Такимъ образомъ игуменство Исаiи Копинскаго въ Межигорскомъ монастырѣ, начавшееся не позже 1619 года, простирается (по документамъ) *до 1-го сентября 1621 года.* Но вскорѣ послѣ сего, въ первой *половинѣ того же сентября 1621 года,* состоялось и удаленiе Исаiи изъ Межигорья: ибо намъ извѣстенъ документъ—«выпись съ книгъ кгродскихъ воеводства кiевского *отъ 23 сентября 1621 года* (подлинникъ находится въ библiотекѣ *Кiев. Дух. Акад.* и помѣченъ—л. 74, № 72), гдѣ заактировано сознанiе вознаго, что онъ *12 сентября означеннаго года,* «за вѫжитьемъ господина отца *Гедиона игумена монастыря Межигорского*» ѣздилъ для ввода его и братiи во владѣнiе однимъ изъ угодiй.

С. Голубевъ.

(*продолженiе будетъ*)

Извѣстiя и замѣтки.

— **Съ котораго времени стали праздновать въ Русской Церкви память св. равноапостольнаго князя Владимiра?** Имя св. князя Владимiра, просвѣтителя земли русской, не упоминается въ мѣсяцѣсловахъ при богослужебныхъ книгахъ 11 и 12 вѣка. Но составитель лѣтописи, извѣстной подъ именемъ Несторовой, сѣтуя на то, что памяти св. Владимiра не воздается должное празднованiе, высказываетъ однако надежду на прославленiе его Богомъ, если въ день преставленiя его будутъ приносить молитвы за него. «Дивно есть се, говоритъ онъ, колико добра сотворилъ (Владимiръ) Русской земли, крестивъ ю. Мы же, христiане суще, не воздаемъ почестья противъ онаго вэданью. Да аще быхомъ имѣ-

---

для примѣра укажемъ на „выпись съ книгъ местскихъ права Майдеборского Ратуше Кiевского отъ *2 декабря 1620 года*“. Въ выписи рѣчь идетъ о дарѣ дома отъ имени кiевской мѣщанки Анны Ивановой Козеевой Iову Борецкому, причемъ послѣднiй въ документѣ постоянно называется „въ Бозе велебнымъ отцомъ Iовомъ Борецкимъ, бывшимъ передъ тѣмъ священникомъ Воскресенскимъ, *а на тотъ часъ игуменомъ монастыря святого Архистратига Михаила Церкве Золотоверхое въ кiевѣ* (подлин. въ библiот. *Кiев. дух. Акад.* л. 76, № 112). О титулѣ Борецкаго, какъ митрополита,—ни слова; между тѣмъ извѣстно, что посвященiе его въ сей санъ состоялось еще 9-го октября означеннаго года.

ли потщанье и мольбы приносили Богу зань въ день преставленія его, и видя бы Богъ тщанье наше къ нему, прославилъ бы и: намъ бо достоить зань Бога молити, понеже тѣмъ Бога познахомъ. Сего бо въ память держать русстіи людіе, поминающе святое крещенье и прославляютъ Бога въ молитвахъ и въ пѣсняхъ и въ псалмѣхъ». Почтенный профессоръ И. И. Малышевскій полагаетъ[1]), что чествованіе памяти св. Владиміра установлено св. Новгородскимъ княземъ Александромъ Невскимъ съ согласія Новгородскаго святителя Спиридона, послѣ одержанной имъ 15 іюля 1240 года, въ день кончины Владиміра, побѣды надъ Шведскимъ войскомъ на берегу Невы, успѣху которой содѣйствовало, по сказанію лѣтописца, явленіе предъ битвою св. князей Бориса и Глѣба, сыновей Владиміра, нѣкоему Пелгую, старѣйшинѣ Новгородской земли. Что память Владиміра, какъ святаго, совершалась уже въ 13 вѣкѣ, подтвержденіемъ сему служатъ Нов. Софійская Минея XIII вѣка, въ которой имѣется служба св. Владиміру, и Студійскій Уставъ 1398 г. Синодальной библіотеки. Но изъ открытаго недавно сказанія о св. Александрѣ Невскомъ современника-очевидца видно, что празднованіе св. Просвѣтителю земли Руской началось еще до побѣды св. Александра Невскаго надъ Шведами, такъ какъ въ этомъ сказаніи говорится: «Пришелъ на нихъ (Шведскій король) въ Воскресенье — въ день, посвященный памяти святыхъ отецъ, бывшихъ на соборѣ въ Халкидонѣ, св. Кирика и Улиты и *святого великаго князя Владиміра*, крестившаго землю Русскую и нареченнаго во св. крещеніи Василіемъ» [2]). Можно сказать даже больше, что празднованіе св. князю Владиміру получило свое начало еще въ концѣ XI вѣка, такъ какъ находящаяся въ Соф. Минеѣ 13 вѣка служба ему принадлежитъ Печерскому черноризцу XI вѣка Григорію[3]). Нужно потому думать, что сѣтованіе перваго лѣтописца нашего о невоздаваніи надлежащей молитвенной почести Просвѣтителю земли русской скоро подѣйствовало на его современниковъ, и Русская Церковь не замедлила вписать имя св. Владиміра въ число свя-

---

[1]) Труды Кіев. д. Академіи-авг. 1888 г., стр. 761.

[2]) Душепол. чтеніе 1892 г. Декабрь, стр. 11.

[3]) Обзоръ духов литературы — Филарета Черниговскаго.

тыхъ, установивъ вмѣстѣ съ тѣмъ праздновать ему въ день его преставленія—15 іюля. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что «рустіи людье, по свидѣтельству тогоже лѣтописца, держали его въ памяти, поминающе святое крещенье, прославляя Бога въ молитвахъ и въ пѣсняхъ».

— **О словѣ преосвященнаго Архіепископа Херсонскаго Иннокентія** (Борисова), **сказанномъ въ Кіевѣ 2 февраля, 1840 года при погребеніи дѣйст. ст. сов. Платона Ив. Голубцова.** Литовс. Епархіальныя Вѣдомости, помѣстивъ въ своемъ 6 № за 1893 г. слово преосвященнаго Иннокентія, сказанное имъ при погребеніи Платона Ив. Голубцова, мужа бывшей начальницы Кіев. Института благород. дѣвицъ (1846—1870), начинающееся словами: «Говорить ли при гробѣ семъ или молчать? Утѣшать или самому искать утѣшенія?», сопровождають это слово такимъ подстрочнымъ примѣчаніемъ: «Въ 6-ти томномъ Вольфовскомъ изданіи сочиненій знаменитаго нашего церковнаго витіи это прекрасное слово не напечатано, и не знаемъ, было ли оно гдѣ-либо напечатано, хотя въ спискахъ оно ходило по рукамъ и извѣстно было студентамъ кіевс. академіи. Извѣстно также, что это слово, по произнесеніи, было немедленно конфисковано, и имѣющійся у насъ списокъ снятъ съ подлинника тогда, когда онъ находился подъ запретомъ».—Что вышеупоминутое слово извѣстно было студентамъ кіев. дух. академіи, это можетъ посвидѣтельствовать пишущій это, одинъ изъ студентовъ этой академіи 1839—1843 г., который и теперь помнитъ содержаніе его почти наизусть и можетъ сообщить, что, по произнесеніи, оно было напечатано отдѣльною брошюрой, подобно другимъ проповѣдямъ того времени преосвящ. Иннокентія. Но чтобы такое прекрасное и во всѣхъ отношеніяхъ безупречное слово было конфисковано немедленно по произнесеніи,—того мы,—студенты Кіевской Академіи, ни отъ кого не слыхали ни тогда, ни въ послѣдствіи, а знать это нетрудно было, вращаясь среди лицъ близкихъ къ знаменитому ректору нашей Академіи и чуткихъ ко всему, что его касалось. Да и кто могъ произвести конфискацію эту, когда, за отсутствіемъ митрополита Филарета въ Петербургѣ, кіевской епархіей управлялъ самъ преосвященный Иннокентій, а генералъ-губернаторъ Бибиковъ былъ большой почитатель преосвященнаго и покровитель семейства

Голубцовыхъ. Подлинники словъ преосвященнаго Иннокентія никогда не были въ рукахъ студентовъ академіи.

П. Л.

— **Что пишутъ о насъ въ Римѣ?** Посѣтившій въ 1891 году Кіевъ римско-католическій священникъ Викентій Ванутелли, двоюродный братъ вліятельнаго въ Ватиканѣ кардинала Ванутелли, въ отчетѣ о своемъ путешествіи по Россіи, изданномъ на италіанскомъ языкѣ подъ названіемъ: *studia religioso sopra la Russia* [1]), дѣлаетъ краткій, но довольно вѣрный историческій очеркъ появленія христіанства въ Россіи въ связи съ сказаніемъ о св. братьяхъ Кириллѣ и Меѳодіѣ и доказываетъ преимущество и древность Кириллицы предъ глаголицей. Въ главѣ 6-й своей книги, предаваясь любимымъ разсужденіямъ о православіи, онъ утверждаетъ, что несправедливо все населеніе русское называть схизматическимъ, такъ какъ *православные хранятъ въ чистотѣ каѳолическую вѣру*. Осмотрѣвъ Кіево-Софійскій соборъ въ подробности, при руководствѣ іеромонаха о. Августина (Мовильона), который былъ его спутникомъ при обозрѣніи и другихъ святынь Кіева, Ванутелли останавливается на нашей литургіи, которую 9—мая, въ день св. Николая, слушалъ въ Соф. соборѣ. Кіево-Печерская лавра поразила его обиліемъ св. мощей. При видѣ поклонниковъ, изъ коихъ нѣкоторыхъ распрашивалъ при посредствѣ своего ментора, онъ восклицаетъ: «какой народъ полный вѣры эти малороссы, какой элементъ кроткій, спокойный, первобытный и простой, а между тѣмъ составляетъ силу, съ которой не можетъ сравняться даже хорошо организованная сила». Посѣтивъ высокопреосвященнаго митрополита Платона, Ванутелли остался очень доволенъ любезнымъ его пріемомъ и бесѣдой. Касаясь польскаго и уніатскаго вопросовъ, онъ говоритъ: «Исповѣдываніе католичества не должно быть предлогомъ возмущенія противъ предержащей власти и церковь не можетъ одобрить ни безпорядковъ, ни тайныхъ заговоровъ. Между тѣмъ у поляковъ встрѣчаются легкомысленныя головы и есть духъ антагонизма къ русскимъ, который они часто высказываютъ, что и

---

[1]) Пользуемся извлеченіями изъ этой книги, помѣщенными въ Душеполез. Чтеніи за январь 1893 г., въ переводѣ св. Н. А. Толстого.

служитъ поводомъ къ постоянной борьбѣ между ними и русскимъ правительствомъ, и этой борьбой пользуются державы, враждебныя Россіи. Не обѣ ли эти націи христіане? Не обѣ ли одного славянскаго происхожденія? И развѣ не можетъ быть между ними симпатіи, основанной на національномъ чувствѣ славянства и исповѣданіи той же христіанской вѣры? И почему бы не соединиться этимъ двумъ благороднымъ силамъ противъ своихъ общихъ сильныхъ и яростныхъ враговъ, которыхъ не мало? Очень жаль, что церковь католическую въ Россіи представляютъ искючительно поляки, на которыхъ смотрятъ враждебно, такъ какъ отъ этаго дѣлается еще глубже раздѣленіе и затруднительнѣе возможность соединенія всѣхъ христіанъ въ одну церковь, глава которой есть божественный Искупитель».

— **Нареченіе и хиротонія новаго епископа Уманскаго.** 16 Сего февраля происходило въ Св. Синодѣ нареченіе ректора Могилевской духов. семинаріи, архимандрита Іоанникія во епископа Уманскаго, 3 викарія кіевской епархіи, а 21 февраля послѣдовало и посвященіе или хиротонія его въ этотъ санъ. Въ нареченіи и хиротоніи участвовали: преосвященные митрополиты—С. Петербургскій Палладій и Кіевскій Іоаникій, архіепископы—Херсонскій Сергій и Финляндскій Антоній, присутствующіе въ Св. Синодѣ епископы—Рижскій Арсеній, Германъ и Маркеллъ. Въ хиротоніи, кромѣ того, принимали участіе и два преосвященные викарія С.-Петербугской епархіи, епископы Николай и Никандръ.

Заимствуемъ изъ Могилевскихъ Епарх. Вѣдомостей слѣдующее біографическое свѣдѣніе о новомъ епископѣ Уманскомъ.

Бывшій о. ректоръ, архимандритъ Іоанникій, въ мірѣ Иванъ Григорьевичъ Надеждинъ, сынъ священника Пензенской губерніи, Мокшанскаго уѣзда, села Никольскаго Азяса, родился 18 іюля 1837 года. По окончаніи семинарскаго курса въ Пензенской ду-

---

[1]) Въ газетахъ невѣрно сказано, что нарекалъ архимандрита Іоанникія въ епископы митрополитъ Палладій: Высочайшее повелѣніе о бытіи епископомъ объявляется нарекаемому въ Св. Синодѣ оберъ секретаремъ Синода прежде всего по принятіи нарекаемымъ благословенія отъ каждаго изъ присутствующихъ архипастырей по ихъ старшинству; за тѣмъ имя нареченнаго епископа возглашается на ектеніи и многолѣтіи

ховной семинаріи со степенью студента въ 1858 году, онъ въ томъ же году былъ опредѣленъ учителемъ въ Пензенское духовное училище; состоя въ этой должности, въ 1863 г. принялъ монашество съ именемъ Іоанникія и возведенъ въ санъ іеромонаха. Въ слѣдующемъ году онъ оставилъ учительскую службу и былъ опредѣленъ благочиннымъ Пензенскаго Спасопреображенскаго монастыря. Въ 1866 году молодой іеромонахъ Іоанникій предпринялъ путешествіе на Аѳонъ съ намѣреніемъ поселиться тамъ навсегда, но по нѣкоторымъ мѣстнымъ условіямъ долженъ былъ возратиться на родину и въ 1871 году назначенъ экономомъ Пензенскаго архіерейскаго дома. Эту должность онъ проходилъ полгода и по прошенію перемѣщенъ въ Нижнеломскій Казанскій монастырь той же епархіи. Въ шестилѣтнее свое пребываніе здѣсь іеромонахъ Іоанникій успѣлъ приготовиться и въ 1876 г. поступилъ въ Московскую духовную академію, въ составъ XXXV ея курса. По окончаніи академическаго курса со степенью кандидата богословія, онъ проходилъ должности: (1880 — 1882 г.г.) преподавателя Ростовскаго духов. училища, Ярославской губерніи, (1882—1885 г. г.)—смотрителя Задонскаго дух. училища, Воронежской губерніи, (1885—1888 г. г.) въ санѣ игумена — должность инспектора Пензенской дух. семинаріи; 31 марта 1888 года, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, назначенъ на должность ректора Якутской дух. семинаріи;—19 сент. 1891 г. перемѣщенъ на должность ректора Могилевской дух. семинаріи, а 8 іюня прошлаго года былъ вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія. Въ началѣ учебныхъ занятій текущаго года онъ снова возвратился въ Могилевскую семинарію, но пребываніе его здѣсь было непродожительно: 16 января состоялось назначеніе архимандрита Іоанникія на Уманскую каѳедру.

Некрологи.

Въ текущемъ новомъ году скончались: преосвященный *Палладій*, бывшій *архіепископъ Волынскій*—въ Почаевской лаврѣ, 13 января; преосвященный *Веніаминъ*, *епископъ Черниговскій* и Нѣ-

жинскій въ г. Черниговѣ—1 февраля; протоіерей *Георгій Соловьевъ*—24 января, въ Кіевѣ, протоіерей *Антоній Гороновскій* — 16 февраля, въ г. Радомыслѣ, кіевс. губерніи, и намѣстникъ кіево-печерской лавры, *архимандритъ Маркъ*—22 февраля, въ сей лаврѣ.

Преосвященный *Палладій* (Ганькевичъ) уроженецъ могилевской губерніи, воспитанникъ С. Петерб. дух академіи 1851 г., магистръ богословія, изъ вдовыхъ священниковъ постриженъ въ монашество въ 1853 г. и состоялъ 1863—1871 г. ректоромъ могилевс. д. семинаріи, 1871—1876 г. викарнымъ епископомъ С. Петерб. епархіи, 1876—1885 г. епископомъ тамбовскимъ, 1885—1890 г. архіепископомъ волынскимъ и въ 1890 г. по болѣзни уволенъ на покой; погребенъ въ Почаевской лаврѣ.

Преосвященный *Веніаминъ* (Быковскій), родомъ изъ Полтавской епархіи, въ которой, по окончаніи курса дух. семинаріи въ 1845 г., былъ сельскимъ священникомъ 5 лѣтъ; въ 1851 г., по овдовѣніи, поступилъ въ кіевс. духов. академію съ постриженіемъ въ монашество и окончивъ въ ней курсъ въ 1853 г. со степенью магистра, служилъ въ должностяхъ преподавателя и инспектора одес. семинаріи, инспектора и профессора казанской дух. академіи и ректора воронежской д. семинаріи; въ 1871 г. хиротантонъ въ санъ епископа и былъ 1871—1879 г. викаріемъ воронежс. епархіи, 1879—1882 г. епископомъ Оренбургскимъ и 1882—1893 г. епископомъ Черниговскимъ. Скончался отъ разрыва сердца, на канунѣ праздника Срѣтенія Господня, по окончаніи всенощнаго богослуженія. Погребенъ въ усыпальницѣ подъ сводами троицкаго б. монастыря, нынѣ архіерейскаго дома.

Въ Бозѣ почившіе, преосвященные Палладій и Веніаминъ участвовали въ соборѣ епископовъ, бывшемъ въ 1884 г. въ Кіевѣ, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго митрополита Кіевскаго Платона. Изъ іерарховъ, засѣдавшихъ на этомъ соборѣ, нынѣ остаются въ живыхъ только три: архіепископъ б. Кишиневскій, нынѣ Херсонскій Сергій, епископъ Полтавскій Иларіонъ и епископъ Тамбовскій Іеронимъ; скончались: митрополитъ Платонъ, архіепископы—Палладій Волынскій и Никаноръ Херсонскій; епископы:

Веніаминъ Черниговскій, Виталій Могилевскій и Поликарпъ Екатеринбургскій, б. епископъ уманскій, 3 й викарій кіев. епархіи.

— **Протоіерей Георгій Соловьевъ**, магистръ кіевс. дух. академіи X курса (1841 г.), уроженецъ калужской губерніи; былъ настоятелемъ кіевоподольской Набережно-Николаевской церкви, преподавателемъ кіевс. духов. семинаріи и 1855—1873 г. членомъ кіев. духов. консисторіи; въ 1880 г., по болѣзни, уволенъ заштатъ; погребенъ при Казанской церкви Кіево-Флоровскаго монастыря.

— **Протоіерей Антоній Гороновскій**, настоятель Радомысльскаго собора и законоучитель городскаго двукласснаго училища, окончилъ курсъ кіевской дух. семинаріи въ 1837 г. первымъ студентомъ, но по семейнымъ обстоятельствамъ отказался отъ назначенія въ число студентовъ Академіи. Состоялъ священникомъ с. Чайковки 1837—1851 г.; при Радомысльскомъ соборѣ былъ сначала священникомъ, а потомъ протоіереемъ 1851—1893 г.; сверхъ того, онъ былъ 56 лѣтъ законоучителемъ Радомысльс. дворянскаго училища, преобразованнаго въ городс. 2-классное; проходилъ разновременно должности—благочиннаго, члена и первоприсутствующаго уѣзднаго дух. правленія и наконецъ предсѣдателя уѣзд. отдѣленія епарх. училищнаго Совѣта. Отличаясь даромъ проповѣдничества и отличнымъ исполненіемъ своихъ пастырскихъ и закоучительскихъ обязанностей, покойный пользовался уваженіемъ и любовію, какъ своихъ прихожанъ, такъ и окружнаго духовенства. Скончался на 76 году жизни;—имѣлъ изъ наградъ, кромѣ набедренника, палицу, камилавку, золотой наперсный крестъ и ордена св. Анны 2-й степ. и св. Владиміра 4-й степени.

— **Намѣстникъ кіевопечерской лавры, архимандритъ Маркъ** скончался 22 февраля, въ 11 часовъ утра, послѣ краткой болѣзни отъ порока сердца, усилившагося въ слѣдствіе простуды. Покойный архимандритъ уроженецъ Тульской губерніи, въ мірѣ Михаилъ Архангельскій, по увольненіи изъ средняго отдѣленія тульской духов. семинаріи былъ первоначально діакономъ въ сельскомъ приходѣ тульской епархіи; овдовѣвъ, принялъ монашество въ московс. Троицкой лаврѣ. Проходя различныя должности монастырскія, онъ въ 1883 г. состоялъ начальникомъ лаврскаго троицкаго подворья въ С.-Петербургѣ, что на Фонтанкѣ, у Аничкина моста;

въ 1885 г. перемѣщенъ на должность намѣстника Чудова монастыря въ Москвѣ съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, въ 1889 г. назначенъ настоятелемъ Московскаго Покровскаго монастыря, а 12 ноября 1892 г. опредѣленъ намѣстникомъ кіевопечерской лавры, въ которую прибылъ 12 декабря. Отъ роду ему было 63 года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НАГРАЖДЕНЪ МЕДАЛЬЮ ЗА ОДЕССКУЮ ВЫСТАВКУ

ЗА ЖИВОПИСЬ И ЗА КІОТЫ.

МАСТЕРСКАЯ
А. З. МАЛЕНКО.

ПРІЕМЪ ПОДРЯДОВЪ:

различныхъ иконъ, кіотовъ, иконостасовъ и роспись церквей.

ПРИНИМАЮ ТАКЖЕ ЗАКАЗЫ:

На Серебрянные и Мѣдные Ризы Различной Величины,

А ТАКЖЕ И НА РАМЫ ДЛЯ ИКОНЪ И КАРТИНЪ;

образцы багетъ высылаются; металлическіе углы для рамъ можно имѣть отъ 1 руб. и до 2 руб. за 4 штуки.

Кіевъ. Андреевскій спускъ, соб. д., № 24. 2—22.

Крестьянинъ села Бузукова, кіевской губерніи, черкасскаго уѣзда

ИЛЬЯ АѲАНАСІЕВЪ ЗАЙЧЕНКО

принимаетъ подряды на постройку церквей; работу, выполняетъ добросовѣстно и аккуратно по доступнымъ цѣнамъ, имѣетъ много письменныхъ благодарностей.

Заявленія о помощи сельскому учителю, оказанной обществомъ „Якорь“.

Полтора года тому назадъ, зять мой, сельскій учитель (села Юрковки) Захарченко Застраховалъ свою жизнь въ обществѣ «Якорь» на сумму 2000 рублей. По истеченіи года, въ силу разныхъ обстоятельствъ, лишившись восможности продолжать взносы въ общество «Якорь» и въ льготный срокъ, предоставленный страхователямъ, онъ заболѣлъ и затѣмъ скончался. Общество «Якорь» имѣло полное право ничего не заплатить наслѣдникамъ страхователя, производившаго взносы въ теченіи одного лишь года, вслѣдствіе чего упомянутое страхованіе считалось уничтоженнымъ; но общество это, побуждаемое состраданіемъ къ несчастной вдовѣ сельскаго учителя и ея сиротамъ, въ ущербъ своимъ интересамъ уплатило вдовѣ его всю страховую премію сполна. Долгомъ считаю предать гласности этотъ фактъ, свидѣтельствующій въ наше время гуманности и состраданія ближнему.

Священникъ села Неморожа, звенигородскаго уѣзда кіевской губерніи, Н. Крыжановскій.

Отъ Кіевскаго духовнаго цензурн. Комитета печат. дозвол. 27 февраля 1893 г.
Цензоръ, Протоіерей *М. Богдановъ*.

Кіевъ, типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.